

Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики

С.В. КНИЖНИКОВА*,
ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия,
osvita2003@mail.ru

Статья посвящена феномену амока — неистовой ярости, ненависти, выливающейся в массовую расправу над людьми в общественном месте. Изучение амока в нашей стране актуализируется в связи с учащением в последние годы расправ, совершенных учениками в образовательных учреждениях. Установлено, что амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Амок характеризуется через признаки, стадии, разновидности и причины возникновения, распространения. В качестве релевантного методологического основания исследования амока предлагается отечественная концепция аффекта, дезорганизирующего психику и поведение. Обосновано, что изучение случаев амока требует выявления возможных патологий психики у лица, совершившего нападение, индивидуальных свойств психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, а также специфики личностной направленности и социального опыта. Рассмотрены такие факторы амока, как социальная эксклюзия (исключенность из референтной группы) и медианасилие. Описываются направления минимизации ущерба и потенциальные направления первичной психолого-педагогической профилактики амока.

Ключевые слова: амок, расправа, аффект, социальная эксклюзия, медианасилие, социализация подрастающего поколения, медиаобразование.

Введение

Весь 2017 год и в начале 2018 г. в нашей стране то и дело появлялись новости о череде нападений учащихся на

сверстников и педагогов в образовательных учреждениях. Эти события всколыхнули личные воспоминания о том, что при прохождении стажировки в ФРГ в 2004 г. автору статьи был задан вопрос

Для цитаты:

Книжникова С.В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 152–168. doi: 10.17759/sps.2019100109

* Книжникова Светлана Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), Краснодар, Россия, osvita2003@mail.ru

немецким социальным педагогом: «А как у вас в России действуют при амоке?». Следует признаться, что в то время пришлось даже ответно спросить значение термина. Спустя 4 года, проходя стажировку в одном из немецких полицейских ведомств, опять пришлось получить подобный вопрос. Оба раза, совершенно ни кривя душой, представителями наших стажировавшихся делегаций давался ответ о нераспространенности данного явления в нашей стране. Почему теперь и у нас то и дело случаются яростные нападения на окружающих в общественных местах, расправы учащихся над сверстниками и педагогами, ужасающие своей жестокостью и последствиями?

Пытаясь разобраться в сложном феномене, следует обратиться к накопленным научным данным, к анализу сведений правоохранителей, биографической информации и психологических портретов нападавших. Изучение случаев амока требует выявления особенностей психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, специфики личностной направленности и социального опыта у лиц, совершивших нападение. Особо важен поиск медико-биологических, индивидуально-психологических и социокультурных причин амока и его распространения в последние годы, необходимо описание форм, видов и стадий; актуально рассмотрение амока в контексте социально-психологической проблематики.

Теоретико-методологические основания и методы исследования

Теоретическими основаниями исследования выступили:

— понятийно-терминологическая система, описывающая нападения в обще-

ственных местах (амок, шуттинг, массовая расправа и др.);

— концепции амока как культурологически обусловленного психического состояния [12; 17; 23];

— научные данные зарубежных авторов о яростных убийствах в общественных местах, массовых расстрелах — «Shootings» [27; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39];

— отечественные психологические, психиатрические и юридические воззрения на природу аффекта [2; 6; 7; 15; 18; 20; 21; 25].

Исследование причин нападений опиралось:

— на концепцию социальных эксклюзий как предиктора девиантности и преступности [1; 4; 8];

— концепцию фрустрации [10; 16; 19; 30];

— теории «заражения» девиантностью под влиянием медиапродукции и воздействия медианасилия на социализацию [3; 5; 13; 14; 26; 28].

Многоаспектность и сложность изучаемого феномена потребовала конструкта из взаимно компенсаторных научных подходов: системного, телеологического, этнокультурного, гуманистического, каузального, личностного, деятельностного.

Теоретические методы представлены анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, аналогией. Фактологическую базу составили отечественные и зарубежные статистические данные о случаях яростных нападений в общественных местах; соответствующие опубликованные материалы правоохранительных органов и судебных разбирательств; биографические сведения и составленные экспертами психологические портреты личностей нападавших.

Дискуссия об исследуемом феномене

В настоящее время в науке (преимущественно, зарубежной), в журналистских репортажах и материалах правоохранителей по отношению к яростным нападениям используют такие термины, как: «амок», «шуттинг», «школьная стрельба», «слепая ярость», «бешенство», «неистовая ярость». Феноменологическая сложность и терминологическое разнообразие затрудняют подбор однозначного определения и классификации проявлений.

Первоначально под амоком понимались специфические приступы ярости, зафиксированные этнографами среди жителей Малайзии и еще нескольких этносов [12; 17]. Такие приступы неконтролируемой агрессии выражались в сильнейшем моторном и эмоциональном возбуждении, в нанесении увечий и смертельных травм окружающим людям. Обычно завершался приступ суицидом или оборотительным убийством агрессора.

В иностранных словарях встречается различное написание слова: например, в английских — «Амок», «Amock», «Amuck», в немецких — «Амок», «Amoklauf», «Amoklaufen». Термин широко распространился после опубликования С. Цвейгом в 1922 г. художественного произведения под названием «Амок», где с психиатрической тщательностью описано данное психоэмоциональное состояние. На сегодняшний день амок уже совсем не отождествляется с этноспецифическими проявлениями. Так, в Европе сейчас под амоком подразумевают неистовую, на первый взгляд, внезапную и беспричинную агрессию, выражающуюся в массовой расправе над людьми в общественном месте [38]. Американская

психиатрическая ассоциация амок наделяет следующими признаками: предъявление агрессором реалистичных угроз или нанесение окружающим реальных травм, совершение убийств; кратковременное неуправляемое эмоциональное состояние, обусловленное нарушением контроля импульсов; последующая после приступа у агрессора частичная или полная амнезия, а также сильнейшее истощение; высокая вероятность суицидальной попытки у нападавшего сразу после припадка [31]. Заметим, что в американских источниках, не отказываясь от слова «амок», чаще употребляют термин «Shootings» (с английского — «стрельба»), так как при расправах агрессоры обычно используют общедоступное огнестрельное оружие. В связи с актуальностью зарубежная медиапродукция тему амока тоже затрагивает достаточно регулярно.

В отечественных научных источниках информация об амоке очень скудная и представлена в основном лишь дефинициями. Российская психиатрическая школа признает амок сумеречным состоянием сознания либо нарушением сознания после некоторого периода расстройства настроения [23]. А вот современный толковый словарь русского языка дает следующее определение: «внезапно возникающее психическое расстройство, проявляющееся в возбуждении с агрессией и бессмысленными убийствами» [11, с. 36]. Стоит указать и на то, что в юридической практике такие нападения не квалифицируются как террористические акты, так как правоохранители отмечают кардинальные отличия этих двух видов насилия.

При описании сущности акта насилия исследователи подчеркивают, что он выступает своеобразной «разрядкой»

агрессором своего психоэмоционального напряжения [12; 17; 27; 38]. В его поведении можно схематично выделить следующие стадии:

— первоначальная (неврастеническая симптоматика, фобии, снижение самооценки, чувство обиды и обманутости, сниженность настроения);

— стадия накопления отрицательного эмоционального заряда (возникновение всепоглощающей ненависти, дереализация, компенсаторное самовозвеличивание, возникновение мыслей и фантазий о расправе, обычно незамысловатое планирование атаки);

— стадия агрессивного акта в состоянии сильнейшего эмоционального напряжения, возбуждения (реализуется после какого-либо провоцирующего обстоятельства, может быть приурочено к символической дате, стимулируется широким обсуждением в обществе ранее случившегося нападения);

— стадия опустошенности агрессора, ослабленности или амнезии;

— стадия осознания содеянного (возможны страх наказания и отвержения, раскаяние; высокий суицидальный риск).

Анализ имеющихся, преимущественно иностранных, сведений об амоке, описаний биографии нападавших, данных из опубликованных психиатрических и психологических заключений, информации с судебных разбирательств, показывает, что имеется огромная разрозненность в понимании признаков, динамики, разновидностей и причин этого явления. Одни зарубежные ученые пытаются обозначить индивидуально-психологические предикторы ярости у агрессора, другие утверждают, что невозможно составить психологический портрет личности, способной на амок, третьи

развенчивают «мифы об амоке», подчеркивая наличие противоречивых фактов [12; 27; 32; 33; 35; 36; 37]. Например, известный западный исследователь амока П. Лэнгман [34] утверждает, что нерелевантно стандартизировать виды яростных расправ и их причины. А половозрастную, статусную классификацию амоков и их предпосылок называет мифологией, так как среди нападавших встречаются и несовершеннолетние, и взрослые люди, и социальные изгои, и преуспевающие, высокостатусные персоны. Изученные П. Лэнгманом факты показали отсутствие связи агрессивного акта с расой, вероисповеданием, этнической принадлежностью. Единственным основанием дифференциации амока исследователь считает наличие у нападавших психопатий либо шизотипических расстройств и шизофрений.

Многообразные мнения высказываются также о том, является ли приступ ярости внезапным или ему предшествует этап планирования нападения, завершается он полной или частичной амнезией. Разрозненные суждения высказываются о мишенях нападения, т. е. агрессия при амоке направлена против определенных обидчиков или все-таки подвергаются расправе люди, оказавшиеся случайно в тот момент в общественном месте. Ведется спор о том, кого агрессор может воспринимать в качестве обидчиков — конкретных персон или целые социальные группы (школьное окружение, сослуживцев, представителей профессии, этнической принадлежности и т. д.).

Изучение жизненных обстоятельств нападавших показывает, что ими предварительно переживались фрустрирующие ситуации: серия социально обусловленных неудач; длительный моббинг; резкое снижение высокого статуса при публич-

ном позоре; переживались обида, чувство обманутости, сильнейшее разочарование в референтных лицах и идеях. В большинстве жизнеописаний агрессоров обнаруживается накопление подобных переживаний либо их высокая интенсивность. Близкие и знакомые нападавших отмечают следующие особенности: агрессивный акт предваряется стремлением отгородиться от окружающих, часты эскейп-реакции (у молодежи часто посредством погружения в виртуальное пространство); делались высказывания или велось активное обсуждение, поиск в книжных и интернет-источниках человеконенавистнических идей, детальное изучение информации о ранее случавшихся резонансных массовых расправах. Известно, что у нападавших, регулярно пребывавших в виртуальной среде, наблюдалось некое самовозвеличивание (вероятно, выступающее компенсацией реальной несостоятельности, фрустрированности).

Исследователи яростных нападений сходятся в следующем [12; 17; 32; 37]:

— амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую детерминированность;

— амок предваряется переживанием острой ненависти после длительных или высокоинтенсивных фрустрирующих ситуаций.

А вот отмеченные противоречия значительно снимаются, если обратить внимание на тот факт, что эмоциональная составляющая амока демонстрирует удивительное сходство с явлением, которое в отечественной психиатрии, психологии, юриспруденции называется «аффект».

В традициях отечественной науки постоянно обосновывается необходимость дополнительного изучения аффекта. Тем не менее уже накоплен достаточно солид-

ный объем исследовательских данных об этом феномене. Не затрагивая юридическое понимание аффекта (аспекты вменяемости-частичной вменяемости-невменяемости, трактовки как смягчающего ответственность обстоятельства), остановимся на психиатрических и психологических точках зрения. Аффектом признается «... эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающиеся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов. От чувств, настроений и эмоций аффекты отличаются интенсивностью и кратковременностью, а также тем, что всегда возникают в ответ на уже возникшую ситуацию» [2, с. 211].

Признанный специалист в области судебно-психологической экспертизы М.М. Коченов выделяет два вида аффекта: патологический и физиологический [14]. Они различаются по факторам, специфике первоначальной стадии, динамике, воздействию на сознание и деятельность.

Так, патологический аффект детерминируется сочетанием конфликтной, фрустрирующей, психотравмирующей ситуации с нервно-психической недостаточностью; характеризуется внезапностью, кратковременностью, высокоинтенсивной эмоциональностью, проявлениями автоматизированности в движениях. При этом виде аффекта наблюдается полное выключение сознания, а после аффективного взрыва у агрессора наступает амнезия и часто глубокий сон.

Физиологический же аффект детерминируется сочетанием конфликтной, фрустрирующей, психотравмирующей ситуации и субъективного восприятия этой ситуации как безвыходной. Ученые

отмечают, что такой вид аффекта может возникнуть сразу же после психотравмирующего происшествия, но может и быть результатом накопления отрицательных эмоций из-за претерпевания многократных психотравмирующих действий социума [6; 15; 18; 21]. В таком случае говорят о «кумулятивном», «накопительном», «капельном», «отсроченном», «отложенном» аффекте. В целом, физиологический аффект характеризуется кратковременностью, высокоинтенсивной эмоциональностью, утратой гибкости поведения с проявлениями автоматизма. Помрачение сознания отсутствует, однако существенно снижен контроль действий. Такой аффект может предваряться потенциальной готовностью к расправе, может наличествовать план расправы (как правило, простой), реализация расправы может символизироваться.

Таким образом, выделяются три механизма аффекта: механизм накопления (аккумуляции); механизм внезапного реагирования на интенсивный, сильный раздражитель; механизм отсроченного реагирования на аффектогенную ситуацию при активизации ранее сформированных очагов негативного эмоционального возбуждения [15]. Разграничение видов и механизмов аффекта позволяет проводить и дифференциацию случаев амока.

Отечественная концепция аффекта также дает понимание, почему амок, шуттинг, так часто совершается несовершеннолетними. По мнению М.М. Коченова, детско-юношеские возрастные особенности стимулируют аффективные реакции на конфликтные, фрустрирующие, психотравмирующие ситуации, так как дети и подростки более возбудимы, сильнее зависимы от внешних оценок, серьезно обеспокоены своим статусом среди свер-

стников, но при этом их система самоконтроля не развита в полной мере [15].

Таким образом, если амок рассматривать вне отечественной концепции аффекта, то сложнее увидеть закономерности, систематизировать факторы и установить разновидности.

Причины распространения амока в современном российском обществе: социально- психологический и педагогический аспекты

Уже отмечалось, что амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Не будем останавливаться на нападениях, совершенных психически больными лицами, предметом нашего рассмотрения будут лишь амоки, совершенные условно нормальными людьми. Подчеркнем, что при описании таких случаев амока, биографий и психологических портретов нападавших, чаще всего встречаются такие слова: ненависть, насилие, психотравмирующие ситуации, фрустрация, агрессивность. Следует задуматься, почему и у наших соотечественников фрустрирующие ситуации стали порождать неукротимую ярость и чудовищную ненависть, утоляемые лишь нанесением существенного ущерба окружающим и убийствами.

Во-первых, обратим внимание на фрустрирующее воздействие и сильнейшую аффектогенность социальной эксклюзии (исключенности). Криминогенность и девиантогенность социальной эксклюзии исследуется достаточно давно за рубежом. Длительная или внезапная исключенность из референтных групп прослеживается в судьбах многих, совершивших амок. Это и «исключенные»

потомки мигрантов, так и не сумевшие приобрести социальный статус, приближенный к статусу коренных европейцев (амок в г. Мюнхене, ФРГ, 2016 г.). Это и подростки, исключенные из сообщества сверстников и подвергаемые травле, издевательствам (многочисленные последователи стрелков из школы «Колумбайн», США, 1999). Теперь и в нашей стране все явственнее опасность массово распространившейся социальной эксклюзии [1; 4; 8].

Без всякого пафоса вспомним, что социализация в советском обществе протекала с максимальной ориентацией на инклюзию каждого в коллектив (октябрьский—пионерский—комсомольский—партийный, творческий, спортивный и т. п.). Проблему исключенности пытались решить всеми способами — от помощи неуспевающему ученику со стороны отличника до взятия на поруки коллективом. Системообразующими социальными ориентирами выступали коллективистские принципы, подразумевающие заботу о другом человеке и о коллективе в целом, а высшей ценностью признавалась жизнь.

Сегодня мы видим иную картину. Воспеваемые и культивируемые в последние годы индивидуалистические ценности сформировали совершенно новое поколение. Оно воспринимает окружающий мир с точки зрения своего персонального комфорта, «внутривидовой борьбы» со «слабыми» за материальные блага. Расцвела вседозволенность, лукаво называемая «свободой». Массово распространился моббинг (буллинг, травля, издевательства), повсеместно практикуемый в учебных средах, профессиональных коллективах, социальных сетях [1; 4; 5; 8; 9; 13; 19; 24; 26; 32; 33; 37]. Таким образом, и в нашем обществе теперь по-

стоянно присутствует один из самых весомых аффектогенных факторов и, соответственно, причин амока.

Во-вторых, на увеличение количества амоков определенным образом влияет медианасилие. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых обнаружена взаимосвязь популярности медианасилия и распространения реального насилия [3; 5; 13; 26; 29; 36; 39]. А известный американский исследователь амока Д. Келлнер [32] утверждает, что его причина кроется в медиакультуре, «одержимой оружием» и восхваляющей «мужскую ярость». При этом постмодернистское осмеяние в медиакультуре макросоциальных традиционных ценностей (добра к ближнему, заботы об окружающих, справедливости и др.) подпитывает распространение человеконенавистнических идей, растабуировало убийство. Тем не менее, насилие в современных фильмах, мультфильмах, музыкальных видеоклипах, книгах представлено как способ решения затруднений или достижения желаемого, как возможность самоутверждения. Большая часть таких медиапродуктов, как компьютерные игры, строятся на проигрывании насильственных моделей поведения. Игровая репетиция убийств в виртуальном мире постепенно перемещается в реальность. Например, сейчас популяризуется игра-квест «Амок», где игрокам обещают реалистичность заданий, «подлинный страх и чистый адреналин» (см.: <https://a-a-ah.ru/amok>).

Имеются точки зрения, которые видят косвенное, опосредованное воздействие медианасилия на виктимную социализацию подрастающего поколения [9; 22]. Есть и сведения о влиянии увлеченности медиапродуктами, насыщенными насильственными сюжетами, на

формирование мнения о приемлемости реального насилия [5; 13; 26; 32]. У совершивших амок обнаружены подобные «разрешающие» установки на насилие [32; 33; 34; 36].

Установлено, что медианасилие вызывает следующие эффекты: эффект формирования равнодушного отношения к насилию среди окружающих; эффект тревожного, фобического ожидания насилия от окружающих; эффект растормаживания изначальных ценностно-смысловых патологий; эффект неполноценного формирования или ослабления нравственно-волевого регулирования; эффект разжигания интереса к тематике насилия; суггесто-подражательный эффект [3; 5; 13; 26; 28].

С педагогической точки зрения, растормаживающий эффект и эффект недоразвития/ослабления регулирования могут повлечь последствия, похожие на этноспецифические проявления амока в Малайзии. Нечто подобное происходит в процессе социализации подрастающего поколения — там детям вплоть до половозрелости разрешаются, а иногда поощряются, агрессивные действия. Демонстрация злости, нанесение ударов близким, грубые высказывания детей не наказываются и воспринимаются как нормальные [12]. Ребенок в сензитивные периоды не развивает способность контролировать свою агрессию и, сталкиваясь с фрустрацией в зрелом возрасте, демонстрирует высокую склонность к аффектам. Это, вероятно, ведет к многочисленным эксцессам, и амок стал числиться к этнической специфике. Эту версию подтверждают исследования Д.Р. Дэйвитца [цит. по: 16; 30], показавшие, что те дети, которых родители осознанно приучали к волевому контролю над эмоциями, к спокойному и конструк-

тивному взаимодействию с окружающими, демонстрировали меньшую агрессивность при фрустрации, нежели дети, с которыми такая работа не велась. На необходимость использования ресурса подобной педагогической работы в профилактике аффектов указывают и психиатры [15], и юристы [18; 25].

Наиболее быстрыми и очевидными являются деструктивные влияния медианасилия посредством реализации эффекта подражания. Этот эффект замечен как исследователями агрессии, самого медианасилия, так и исследователями амока. Именно этот эффект обуславливает высокий риск повторов амока после широкомасштабного муссирования в СМИ уже произошедшего случая нападения — высока вероятность рецидива в течение двух недель [39].

Оговоримся, что большая часть эффектов медианасилия (а именно: эффект формирования равнодушного отношения к насилию среди окружающих, растормаживания изначальных ценностно-смысловых патологий, эффект неполноценного формирования или ослабления нравственно-волевого регулирования, эффект разжигания интереса к тематике насилия) может считаться причиной амока. А вот эффект подражания, на наш взгляд, не стоит считать полноценной причиной, он, скорее, молниеносно формирует повод для реализации накопленных деструкций.

Завершая данный раздел статьи, еще хотелось бы акцентировать внимание на сходстве феноменов амока (по сути, гомицида) и суицидального поведения (суицида). Различия есть в объекте агрессии, в направленности разрушительных тенденций при фрустрации, психотравмирующих обстоятельствах. Похожие черты наличествуют в факторах, дина-

мике этих явлений, в подверженности «заражению» из медиапродукции [14; 29]. Ранее уже отмечалось, что у лиц, совершивших амок, после агрессивного акта отмечается высокий риск суицида. Таким образом, ученым еще предстоит найти объяснения этим параллелям, а государственным и общественным деятелям следует подготовить действенные советы для СМИ по освещению случаев амока, подобные «Рекомендациям по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства» (2016 г.).

Минимизация ущерба и профилактика амока

Следующей насущной задачей является поиск способов и средств предупреждения и минимизации разрушительных проявлений аффекта, реализуемых в амоке. Очевидно, что необходима разработка тактик и стратегий эффективного реагирования на подобные случаи. Например, в США, где нападения случаются достаточно часто, ведутся дебаты об ограничении использования населением оружия, об усилении контроля над лицами, владеющими или имеющими доступ к оружию. А в марте 2018 г. там прошли многотысячные митинги школьников, студентов, родителей, педагогов, общественных деятелей против распространения оружия (митинги велись под лозунгами «Марш за наши жизни», «never again» — «никогда больше», «разоружите ненависть», «enough» — «довольно»). Подобные меры вызывают сомнения — действительно, доступность огнестрельного оружия является стимулирующим обстоятельством, но не основной причиной. Широко доступных средств умерщвления предостаточно —

от хозяйственных колюще-режущих предметов и инструментов до бытовых ядов и воспламеняющихся жидкостей. Все это в руках злоумышленника способно привести к ущербу, травмам, жертвам; потому ограничение оборота огнестрельного оружия вряд ли сильно исправит ситуацию.

Следующее предлагаемое направление работы относительно амока заключается в обеспечении максимальной безопасности в общественных местах: установка пропускных систем и блокираторов наезда, тщательный контроль над вносимыми предметами и веществами, оборудование пунктов отражения атаки и т. п.

Третье направление связано с обучением населения адекватному реагированию на нападение с целью сведения ущерба к минимуму. В тех же США все школы обязаны разработать и согласовать с силовыми ведомствами свои планы действий в случае амока, шуттинга. Затем в соответствии с планами проводятся «учебные тревоги», где ученики, педагоги и персонал тренируют действия при гипотетическом нападении. Долгие годы планируемые действия сводились к так называемому локдауну, т. е. попытке скрыться и заблокироваться от нападающего в ближайшем помещении. В последнее время такие действия подвергаются критике, так как нападавшие часто знакомы с запланированной тактикой и заранее придумывают агрессивный акт против заблокированной группы лиц, что обуславливает неотвратимость расправы над не имеющими выхода беззащитными людьми. Поэтому, в качестве альтернативы локдауну, предлагаются меры, аналогичные противопожарным — обеспечение наибольших возможностей беспрепятственно покинуть опасное по-

мещение или общественное место. Озвучиваются также предложения по вооружению учителей и школьного персонала.

Имеются предложения по развитию мониторинга интернет-пространства для выявления лиц, интересующихся человеконенавистническими идеями, размещающих на своих персональных страницах агрессивные манифесты, демонстрирующих приверженность насилию. Подобная работа может оказаться действительно эффективной, так как юное поколение и люди среднего возраста массово представлены в виртуальных социальных сетях и достаточно активно размещают о себе информацию, позволяющую составить психологический портрет, выявить интересы, сигнализирующие о явном социально-психологическом неблагополучии. П. Лэнгман [34] зафиксировал, что многие нападавшие предварительно через свои интернет-странички оповещали о наличии агрессивных устремлений, цитировали высказывания известных тиранов и убийц, размещали ролики о насилии или ранее совершенных нападениях, публиковали «инструкции» по нападению. Проведение интернет-мониторинга возможно обеспечить как государственными, так и общественными усилиями. Ранее мы публиковали сведения о подобном уже реализованном мониторинге суицидального контента, представленного на персональных страницах школьников и студентов [14]. Выявление суицидоопасного контента (высказывания; обозначение статуса; подбор оформления, роликов и музыки; участие в группах и др.) велось силами студентов специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» с помощью специально разработанной матрицы с отслеживаемыми тревожными параметрами. В настоящее время ведется

разработка диагностического материала, ориентированного на поиск симптомов возможного амока через мониторинг виртуальных социальных сетей.

Также следует сориентировать школьников, студентов на оповещение взрослых и компетентных специалистов о замеченных настораживающих признаках у своего сверстника. При этом важно обеспечить полную анонимность учащимся, сообщившим о вероятной угрозе, так как имелись прецеденты первоочередных расправ над бдительными учениками.

Еще стоит отметить рекомендации бывших или действующих военных, полицейских (опять же, иностранцев). Советы даются преимущественно родителям школьников и касаются покупки пуленепробиваемых вставок в рюкзак, развития у ребенка бдительности в общественных местах, тренировок действий в экстренных ситуациях и поиска путей спасения. Советчики подчеркивают, что таким обучением должны заниматься именно в семье. Подобная массовая тренировка в образовательном учреждении считается даже вредоносной в связи с тем, что нападающие тоже ее пройдут и смогут предугадать действия спасающихся.

В качестве профилактических мер П. Лэнгман [34] предлагает: обеспечение общедоступной качественной психологической помощи; тщательную фиксацию признаков надвигающегося амока через выявление насилия в семье и моббинга в образовательной среде; выявление специалистами симптоматики психологических травм, психических болезней, психозов.

Д. Келлнер [32] видит возможным предупреждение при создании следующих условий: усиленный контроль над распространением оружия; обеспечение

безопасности в образовательных учреждениях и местах массового скопления людей; оптимизация образовательной среды через обеспечение психологического комфорта учеников и педагогов; поддержка педагогических программ, пропагандирующих мир и социальную справедливость; проецирование через медиапродукцию конструктивных образов мужественности и мирного урегулирования конфликтов.

По нашему глубокому убеждению, отечественная система образования вполне может и должна содействовать профилактике амоков. Важна разработка и внедрение всевозможных психолого-педагогических технологий формирования у подрастающего поколения стремлений к взаимной заботе и поддержке, программ разноуровневой и разновозрастной подготовки к конструктивному совладанию с фрустрирующими ситуациями, с неудачами. Перспективно развитие идеи В.К. Вилюнаса об обучении человека «канализировать аффект» [7, с. 48], а также идеи С.Л. Рубинштейна о том, что целенаправленное обучение человека пониманию своего эмоционального состояния и его потенциальных последствий может не допустить, чтобы «зародившийся аффект прорвался в сферу действия» [20, с. 580]. Особо стоит сосредоточиться на нейтрализации девиантогенных эффектов медианасилия, продолжая активно развивать медиаобразование, готовить подрастающее поколение к обеспечению своей личной медиабезопасности, формировать ассертивность и критическое мышление. Очевидно, необходима консолидация превентивных усилий педагогов, психологов, психиатров, правоохранителей, разработчиков медиапродукции.

Выводы

Понятия «амок», «шуттинг», «расправа в общественном месте», «массовое убийство в состоянии аффекта» принадлежат к одному семантическому полю. Ученым предстоит работать над методологической проблемой неоднозначности в формулировании термина, что потребует интеграции усилий представителей нескольких наук и сфер практической деятельности.

Амок имеет социокультурную и индивидуально-психологическую обусловленность. Таким образом, изучение случаев амока требует выявления возможных патологий психики у лица, совершившего нападение, индивидуальных свойств психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, а также специфики личностной направленности и социального опыта.

Для анализа и систематизации факторов, закономерностей, разновидностей амока наиболее релевантной представляется отечественная концепция аффекта, т. е. эмоционального состояния, которое интенсивно дезорганизует психику и поведение под воздействием угрозы ключевым ценностям личности. Совершение амока детерминируется несколькими «механизмами аффекта»: механизмом постепенного накопления (аккумуляции) отрицательного эмоционального заряда, активируемым каким-либо событием, поводом; механизмом внезапного реагирования на однократный очень сильный, интенсивный раздражитель; механизмом активизации ранее сформированных негативных эмоциональных переживаний и отсроченного реагирования на аффектогенную ситуацию.

Совершение амока предваряется острой ненавистью и жадой расправы

на почве переживания длительной или высокоинтенсивной фрустрирующей аффектогенной ситуации.

Одной из основных причин распространения амока являются различные формы социальной эксклюзии (исключенности из референтной группы), виктимизирующие личность. В детской, подростково-молодежной среде особую опасность формирует широкое распространение травли (моббинга, буллинга) в учебных группах и виртуальном пространстве.

Еще одной весомой причиной является девиантогенное воздействие на население (особенно юное) медианасилия, обладающего следующими социально-психологическими эффектами: эффект растормаживания изначальных личностных агрессивных характеристик, эффект недоразвития или ослабления нравственно-волевого самоконтроля, эффект фобического ожидания насилия от

окружающих, эффект равнодушного отношения к реальному насилию, эффект закрепления интереса к медианасилию, суггесто-подражательный эффект.

Усиление воздействия вышеназванных факторов в российском обществе позволяет прогнозировать, к сожалению, увеличение количества совершаемых амок, особенно детьми и молодежью.

Основными направлениями уменьшения разрушительных последствий амока представляются: тщательный контроль над средствами массового умерщвления, обеспечение безопасности в общественных местах, обучение населения адекватному реагированию на атаку, мониторинг виртуальной среды с целью выявления назревающего амока. В аспекте первичной профилактики востребованы психолого-педагогические разработки, нейтрализующие вышеназванные факторы амока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов Б.Н. Социальное отчуждение. Психолого-педагогический аспект. М.: Дата Сквер, 2010. 168 с.
2. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия [Электронный ресурс] / Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М.: Генезис, 2016. URL: <https://readli.net/affekt-praktika-sudebnoy-psihologo-psihiatricheskoj-ekspertizy> (дата обращения 03.04.2018)
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
4. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 5—17.
5. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: пер. с англ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
6. Будякова Т.П. Виктимологические аргументы в пользу легализации отложенного (отсроченного) аффекта // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 16—22.
7. Вилонас В.К. Аффект // Большой психологический словарь / Сост. Б.Г. Мецераков, В.П. Зинченко. М.: «Прайм-Еврознак», 2002. С. 48.
8. Гиллинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-

- Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6. С. 69–77.
9. *Ениколопов С.Н.* Психологические проблемы агрессивного поведения детей // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2013. № 1. С. 5.
10. *Ермолаева Л.И.* Фрустрация как социально-психологический феномен: дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. 140 с.
11. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А–О. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
12. *Каплан Г., Сэдок Б.* Клиническая психиатрия. Т. 1. М.: Медицина, 1994. 672 с.
13. *Книжникова С.В.* Медианасилие: «бить или не бить?» // Народное образование. 2014. № 5. С. 193–199.
14. *Книжникова С.В.* «Эффект Вертера»: подражательные суициды среди подростков и молодежи // Педагогика. 2017. № 1. С. 76–82.
15. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. 100 с.
16. *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 118–130.
17. *Морозов П.В.* Роль культуральных факторов в формировании классификаций психических заболеваний // Психиатрия и психофармакотерапия. 2006. Т. 8. № 3. С. 19–22.
18. *Мухачева И.М.* Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 118–126.
19. *Оршанская М.В.* Влияние фрустраций на социализацию подростков : дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 219 с.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер-ком, 1999. 720 с.
21. *Ситковская О.Д.* Аффект: криминально-психологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2001. 240 с.
22. *Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серёгина В.В.* Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29–37.
23. *Стоиценов Й.А., Стоиценова М.Й., Коева П.Й. и др.* Амок (Амок) // Психиатрический энциклопедический словарь. К.: МАУП, 2003. 1200 с.
24. *Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Ениколопов С.Н.* Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8. № 4. С. 102–116. doi:10.17759/psyedu.2016080411
25. *Тухбатуллин Р.Р.* Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
26. *Федоров А.В.* Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог: Кучма, 2004. 414 с.
27. *Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W.* School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer, 2013. 543 p.
28. *Cantor J.* The Unappreciated V-Chip // Violence in Film & Television / Torr J.D. (Ed.). San Diego, Ca: Greenhaven Press, Inc, 2002. P. 171–178.

29. *Coleman L.L.* The Copycat Effect. New York: Paraview Pocket-Simon & Schuster. 2004. 308 p.
30. *Davitz J.R.* The communication of emotional meaning. New York: McGraw-Hill. 1964. 214 p.
31. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // American Psychiatric Association. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC. 2000. Vol. 4. P. 899.
32. *Kellner D.* Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2008. 221 p.
33. *Klein J.* The Bully Society School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools. NYU Press, 2013. 318 p.
34. *Langman P.* School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
35. *Lieberman J.A.* School Shootings: What Every Parent and Educator Needs to Know to Protect Our Children. Citadel; Paperback Rev Upd, 2008. 384 p.
36. *Muschert G.W., Sumiala J.* School Shootings. Mediatized Violence in a Global Age. Emerald Group Publishing, 2012. 353 p.
37. *Newman K.S., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W.* Rampage: The Social Roots of School Shootings. New York: Basic Books, 2004. 416 p.
38. *Scheithauer H., Bondü R.* Amoklauf und School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
39. *Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C.* Contagion in Mass Killings and School Shootings // PLoS ONE. 2015. Vol. 10 (7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259

Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities

S.V. KNIZHNIKOVA *,
Kuban State University, Krasnodar, Russia,
osvita2003@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of amok – towering rage, hatred leading to mass violence against people in public places. The study of amok in our country is updated

For citation:

Knizhnikova S.V. Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 152–168. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100109

* *Knizhnikova Svetlana Vitalievna* – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Lecturer of the Chair of General and Social Pedagogy, Kuban State University, Krasnodar, Russia, osvita2003@mail.ru

because violence committed by students in educational institutions are becoming more frequent over the last years. It is established that amok has sociocultural and individual psychological dependence. Amok is characterized by symptoms, stages, varieties and causes of occurrence and distribution. As the relevant methodological foundation of amok study we offer a domestic conception of affect that disrupt the psyche. It is proved that the study of amok cases requires the identification of possible psyche pathologies of a person who committed an attack, his individual properties of mental processes which are responsible for self-regulation, as well as specifics of personal orientation and social experience. Such amok factors as social exclusion (shut-out from the reference group) and media violence are considered. The article describes some directions to minimize the damage and potential areas of primary psychological-pedagogical amok prevention.

Keywords: amok, shootings, violence, affect, social exclusion, media violence, young generation socialization, media education.

REFERENCES

1. Almazov B.N. Social'noe otchuzhdenie. Psihologo-pedagogicheskij aspekt [Social Disengagement. Psychological and pedagogical aspect]. Moscow: Publ. Data Skver, 2010. 168 p.
2. Affekt: praktika sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj ehkspertizy [Elektronnyj resurs] [Affect: Practice of Adjudicative Psychological and Psychiatric Examination]: Hrestomatiya / Avtory-sostaviteli F.S. Safuanov, E.V. Makushkin. Moscow: Publ. Genezis, 2016. URL: <https://readli.net/affekt-praktika-sudebnoj-psihologo-psihiatricheskoy-ehkspertizy> (Accessed 03.04.2018).
3. Berkovic L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: Causes, Consequences and Control]. Sankt-Peterburg: Publ. Prajm-Evroznak, 2001. 512 p.
4. Borodkin F.M. Social'nye ehksklyuzii [Social Exclusions]. *Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*, 2000, no. 3–4, pp. 5–17.
5. Brajant D., Tompson S. Osnovy vozdejstviya SMI [The Basics of Media Exposure]. Moscow: Publ. Vil'yams, 2004. 432 p.
6. Budyakova T.P. Viktimologicheskie argumenty v pol'zu legalizacii otlozhennogo (otsrochennogo) affekta [Victimological Arguments in Favor of Legalization of Deferred (Delayed) Affect]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2014, no. 2, pp. 16–22.
7. Vilyunas V.K. Affekt [Affect]. *Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Bol'shoj psihologicheskij slovar']*. Sost. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. M., 2002, p. 48.
8. Gilinskij Y.I. «Isklyuchennost'» kak global'naya problema i social'naya baza prestupnosti, narkotizma, terrorizma i inyh deviacij [“Exclusion” as a Global Problem and Social Base of Crime, Drugs Terrorism and other Deviations]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Yuridicheskogo instituta General'noj prokuratury RF [Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General of the Russian Federation]*, 2004, no. 6, pp. 69–77.
9. Enikolopov S.N. Psihologicheskie problemy agressivnogo povedeniya detej [Psychological problems of children's aggressive behavior]. *Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta [Early Childhood Care and Education]*, 2013, no. 1, p. 5.

10. Ermolaeva L.I. Frustraciya kak social'no-psihologicheskij fenomen. Dis. kand. psihol. nauk [Frustration as a Socio-psychological Phenomenon. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 1993. 140 p.
11. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Russian Language Dictionary . Defining-word-formation]. T. 1: A – O. Moscow: Publ. Russkij yazyk, 2000.
12. Kaplan G., Sehdok B. Klinicheskaya psichiatriya [Clinical Psychiatry]. T. 1. Moscow: Publ. Medicina, 1994. 672 p.
13. Knizhnikova S.V. Medianasilie: «bit' ili ne bit'?» [Media Violence: “to Beat or not to Beat?»]. *Narodnoe obrazovanie [National Education]*, 2014, no. 5, pp. 193–199.
14. Knizhnikova S.V. «Ehffekt Vertera»: podrazhatel'nye suicidy sredi podrostkov i molodezhi [The Werther Effect: Imitation Suicides among Adolescents and Young Adults]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2017, no. 1, pp. 76–82.
15. Kochenov M.M. Sudebno-psihologicheskaya ehkspertiza [Judicial-psychological Examination]. Moscow, 1977. 100 p.
16. Levitov N.D. Frustraciya kak odin iz vidov psihicheskikh sostoyanij [Frustration as a Type of Mental State]. *Voprosy psihologii*, 1967, no. 6, pp. 118–130.
17. Morozov P.V. Rol' kul'tural'nyh faktorov v formirovanii klassifikacij psihicheskikh zabolevanij [Cultural Factors Role in the Formation of Mental Diseases Classifications]. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya [Psychiatry and psychopharmacotherapy]*, 2006. Vol. 8, no. 3, pp. 19–22.
18. Muhacheva I.M. Ugolovno-pravovaya i psihologicheskaya harakteristika affekta [Criminal and Psychological Characteristics of an Affect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2016, no. 7 (68), pp. 118–126.
19. Orshanskaya M.V. Vliyanie frustracij na socializaciju podrostkov. Dis. kand. psihol. nauk [Frustrations Impact on Adolescents Socialization. PhD (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2004. 219 p.
20. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter-kom, 1999. 720 p.
21. Sitkovskaya O.D. Affekt: kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Affect: Criminal-psychological Study]. Moscow: Yurlitinform, 2001. 240 p.
22. Soldatova G.U., Rtishcheva M.A., Seryogina V.V. Onlajn-riski i problema psihologicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov [Online risks and psychological health problems of children and teenagers]. *Akademicheskij vestnik Akademii social'nogo upravlenija [Academic Bulletin of the Academy of social management]*, 2017, no. 3 (25), pp. 29–37.
23. Stoimenov J.A., Stoimenova M.J., Koeva P.J. i dr. Amok (Amok) [(Amok) Amok]. *Psihiatricheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Psychiatric Encyclopedic Dictionary]*. Kiev: Publ. MAUP, 2003. 1200 p.
24. Tarasova S.Ju., Osnitsky A.K., Enikolopov S.N. Social-psychological Aspects of Bullying: Interconnection of Aggressiveness and School Anxiety [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 102–116. doi:10.17759/psyedu.2016080411 (In Russ., abstr. in Engl.).

25. Tuhbatullin R.R. Umyshlennyye prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennyye v sostoyanii affekta. :Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Intentional Crimes Against Life and Health Committed in a State of Affect. PhD (Law) Thesis]. Moscow, 2005. 22 p.
26. Fedorov A.V. Prava rebenka i problema nasiliya na rossijskom ehkrane [Child's Rights and the Problem of Violence on the Russian Screen]. Taganrog: Kuchma, 2004. 414 p.
27. Böckler N., Seeger T., Sitzler P., Heitmeyer W. School Shootings. International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer. 2013. 543 p.
28. Cantor J. The Unappreciated V-Chip. In: Torr, J.D. (Ed.). Violence in Film & Television. San Diego, Ca: Greenhaven Press, Inc. 2002, pp. 171–178.
29. Coleman Loren L. The Copycat Effect. New York: Paraview Pocket-Simon & Schuster, 2004. 308 p.
30. Davitz, Joel R. The communication of emotional meaning. New York: McGraw-Hill, 1964. 214 p.
31. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes (2000). *American Psychiatric Association. — Text Revision (DSM-IV-TR)*. Washington, DC, 2000. Vol. 4, pp. 899.
32. Kellner D. Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. - Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2008. 221 p.
33. Klein J. The Bully Society School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools. NYU Press. 2013. 318 p
34. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
35. Lieberman J.A. School Shootings: What Every Parent and Educator Needs to Know to Protect Our Children. Citadel; Paperback Rev Upd, 2008. 384 p.
36. Muschert G.W., Sumiala J. School Shootings. Mediatized Violence in a Global Age. Emerald Group Publishing, 2012. 353 p.
37. Newman K.S., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W. Rampage: The Social Roots of School Shootings. New York: Basic Books, 2004. 416 p.
38. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
39. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259